ИНОСКАЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© Сергей Евтеев, Лев Латышев

ALLEGORY AS A PHENOMENON AND TRANSLATION PROBLEM (BASED ON THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Sergej Evteev, Lev Latyshev

The article focuses on the allegory as an expressive linguistic means often causing mistakes in translation, which is testified by the comparative analysis of the original and target texts. In order to recognize allegory in the original text, we suggest the typology, which differentiates allegories based on figurative meanings, allegories with their own denotations, allegories-allusions and allegories-quotations. Another problem is to render allegories preserving their original expressivity and laconism in the target language and culture. Based on translation practices are different semantic-structural types of correlations with different degrees of symmetry/asymmetry translation of allegory, namely: translation with a maximal symmetry of translation, translation with inconsiderable asymmetry, translation with a substantial asymmetry and a "paradoxical" translation. Selecting an equivalent, translators should take into account the fact of two contacting cultures similarities. Not always can allegory be translated by allegory in the target language, in this case we deal with a phenomenon of an "allegorical non-equivalence", which requires various creative translation solutions to compensate unavoidable losses of allegorical expressivity. The materials of the article may be of interest for professors teaching translation, professionals and students learning the theory and practice of translation.

Keywords: allegory, translation, allegorical non-equivalence, expressive linguistic means, "paradoxical" translation.

Статья посвящена иносказанию как экспрессивному средству языкового выражения, нередко провоцирующему ошибки в переводе, о чем свидетельствует сравнительный анализ оригиналов и переводных текстов. Чтобы помочь переводчику распознать в оригинале иносказания, предлагается их типология. В типологии различаются иносказания на основе переноса значения, иносказания с собственным обозначением, иносказания-аллюзии и иносказания-цитаты. Другой проблемой является передача иносказаний с сохранением их экспрессивности и лаконичности на другом языке и в другой культуре. Из переводческой практики демонстрируются различные семантико-структурные типы соответствий с различной степенью симметричности / асимметричности перевода иносказания иносказанием, а именно: перевод с максимальной симметричностью, перевод с несущественной асимметрией, перевод с существенной асимметрией и «парадоксальный» перевод. При подборе эквивалента иносказания большое значение имеет фактор общности двух контактирующих культур. При этом не всегда иносказание можно перевести иносказанием, что можно назвать феноменом «иносказательной безэквивалентности». В этом случае предлагаются различные креативные переводческие решения с тем, чтобы компенсировать неизбежные потери экспрессивности иносказаний. Материалы статьи могут представлять интерес для преподавателей-переводчиков, специалистов и обучающихся в области теории и практики перевода.

Ключевые слова: иносказания, перевод, иносказательная безэквивалентность, экспрессивные средства языка, «парадоксальный» перевод.

Иносказательность в первую очередь заинтересовала нас как фактор, провоцирующий переводческие ошибки (часто очень грубые), а уже потом как широко используемое средство языкового выражения, не нашедшее должного внимания в лингвистической науке. Последнее косвенно подтверждается тем, что в Лингвистическом

энциклопедическом словаре мы не нашли толкования понятия «иносказание», а также близкого к нему понятия «аллегория» [Лингвистический энциклопедический словарь]. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова сказано, что иносказание – это «выражение, содержащее иной, скрытый смысл, аллегория» [Ожегов, с. 211].

Конечно, иносказания могут иметь скрытый смысл, но гораздо чаще носители языков используют иносказания в общеизвестном смысле, такие как *приграть змею на груди, висеть у кого-то на шее, быть (для кого-то) дойной коровой, вывести (кого-то) на чистую воду*. Именно такого рода традиционные иносказания, чаще всего зафиксированные в словарях и ставшие единицами языка / речи, будут рассмотрены в этой статье.

Сопоставительное изучение оригиналов и переводов показывает, что передача иносказаний в переводе нередко вызывает трудности и приводит к ошибкам даже у опытных переводчиков. Приведем несколько примеров из переводов на русский язык произведений немецких авторов.

1) Из перевода романа Э. М. Ремарка «Черный обелиск»: *“Antworten Sie nur, wenn Sie gefragt werden, Kellner”, sage ich nachlässig zu ihm. “Das sollten Sie bei den Preußen gelernt haben!...”* [Ремарк, 2016, с. 158–159] – «Отвечайте, только когда вас спрашивают, кельнер, – небрежно бросаю я. – Этому-то вы уж должны были научиться у пруссаков!» [Ремарк, 2003, с. 138] (Здесь и далее разрядка наша – С. Е., Л. Л.).

Очевидно, что переводчики не знали, что (теперь уже устаревшее) выражение *bei den Preußen* (у пруссаков) иносказательно означает «на военной службе», поскольку именно выходцы из Пруссии очень долгие годы преимущественно занимали в германской армии командные должности и именно они муштровали солдат. Наш вариант перевода: «Официант, отвечайте, только когда Вас спрашивают, – небрежно бросаю я. – Чему Вас только учили в армии?»

2) Из перевода романа Э. М. Ремарка «Три товарища»: *“Die Herren haben auch Interesse?” Mit gesenkter Stimme: “Könnten Kippe vereinbaren. Wagen für Appel und Ei einsteigern und Profit teilen...”* [Remarque, pp. 166–167] – «Вы, господа, тоже интересуетесь? – И вполголоса добавил – Можем обделать дельце. Пустим машину в обмен на яблоки и яйца, а прибыль поделим» [Ремарк, 2017, с. 144].

На самом деле разговорное выражение *für Appel* (диалектальное от *Apfel*) *und Ei* (дословно: ‘за яблоко и яйцо’) означает *задешево, за бесценок, по дешевке*. Переводчики не поняли значение этого иносказания и изобрели свой перевод. При этом их не смутило ни то, что названия продуктов стоят в единственном числе, ни ситуативная неадекватность (нелепость) разговора о «яблоке и яйце».

3) Из перевода романа Г. Фаллады «Волк среди волков»: *Sie dürfen mir nichts tun! Ich bin*

geisteskrank! ... Ich habe den Jagdschein! – ‘Вы ничего не смеее со мной сделать! Я душевнобольной! ... У меня есть свидетельство на право охоты!’ [Павлов, с. 12–15].

Jagdschein в прямом значении – «свидетельство на право охоты (охотничий билет)», а в иносказательном (шутливо) – «справка из психбольницы, свидетельство о психическом заболевании».

Продемонстрированные переводческие ошибки имеют одну и ту же причину: переводчики не поняли, что имеют дело с иносказаниями. Для развития умения распознать «кусочек» иносказательного в массиве «прямоказанного» необходимы знания о коммуникативной ценности иносказаний, а также знание их типологии.

Для чего говорящие / пишущие нередко предпочитают «окольный» путь выражения мысли, вместо того, чтобы изложить ее адресату речи напрямик? Как отметил известный литературный критик Виктор Шкловский, «мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем. <...> мы не можем заставить себя увидеть, прочесть, а не „узнать“ привычное слово» [Шкловский, с. 36]. Для того чтобы адресат обратил внимание на сказанное, требуются *экспрессивные* средства языкового выражения. Как полагает В. Д. Девкин, «в основе экспрессивизации лежит иносказательность в самом широком смысле, т.е. отход от наисущнейшего нормального названия (со стороны говорящего) и соответственно восстановление слушающим нормального нужного соответствия между предметом и именем. То, что эта „реконструктивная“ умственная работа протекает молниеносно, автоматически, <...> это уже особый вопрос... Важно, что <...> затушеванное, замаскированное, искаженное в экспрессеме требует активизации, восприятия, сопереживания» [Девкин, с. 185].

Согласно постулату современной психолингвистики, цель любой речевой коммуникации состоит в изменении состояния разума и / или эмоционального состояния адресата в нужном для говорящего / пишущего отношении [Леонтьев, с. 241–254]. Поэтому вовлечение адресата речи в речемыслительный процесс, не говоря уже о его сопереживании, являются решающими предпосылками для достижения этой цели. При этом следует отметить, что экспрессивизация речи не единственное предназначение иносказаний, но, безусловно, самое главное.

Попробуем теперь представить типологию немецких иносказаний, которая, по нашей мысли, могла бы стать подспорьем для молодых переводчиков, чтобы активизировать их способ-

ность распознавать иносказательность в переводимых текстах. Для переводчиков с немецкого языка эта способность особенно важна, поскольку этот язык изобилует иносказаниями. Так, только в словаре Duden [Duden] мы насчитали 25 иносказаний для слова *Geld* ('деньги'), 18 иносказательных обозначений легковых автомобилей и т. п. Значительная часть иносказаний типа А и В (см. далее) являются коллоквиализмами (разговорной лексикой), которым, по авторитетному мнению В. Д. Девкина, свойственен «некоторый оттенок неэстетичности, неприличности <... >, что однако обеспечивает им в отдельных случаях несколько большую стойкость экспрессии» [Девкин, с. 225]. В основу типологии иносказаний будет положен генезис иносказаний (способ их порождения).

А. Иносказания на основе переноса значения

Иносказания этого, самого простого типа образованы способом переноса значения. В русских словарях их сопровождает помета *перен.* (переносное значение), а в немецких *übertr.* (*übertragen*). Специфика воздействия таких иносказаний определяется тем, в какой степени для слушающего / читающего очевидна логика переноса значения. Если она прозрачна, то речевое воздействие иносказания определяется параллельным, практически одновременным воздействием на адресата бывшего (то есть прямого, ставшего теперь уже фоновым) значения и «новоприобретенного» иносказательного значения. Экспрессивность, яркость этого воздействия зависит от того, насколько резким является контраст между ними. Так, если легковой автомобиль будет назван фамильярно-иносказательным словом *Schlitten* (букв.: сани), то это не произведет на слушателя особого эмоционального воздействия. Однако, если богатый источник дохода будет назван *Goldgrube* (букв.: золотой прииск), это может вызвать зависть, восхищение, произвести эмоциональное воздействие на слушающего.

Нельзя не сказать о том, что традиционным немецким иносказаниям нередко свойственна определенная доля цинизма, сравните: *плохой кофе* и *Negerschweiss* (букв.: негритянский пот), *магазинная кража* и *Selbstbedienung* (букв.: самообслуживание), *слишком большая обувь* и *Kindersärge* (букв.: детские гробы). Характерно, что перенос значения широко используется также для обычного, не иносказательного обозначения новых реалий, особенно создания новых технических терминов, которые, возможно, в течение некоторого времени могут восприниматься как иносказания, но затем становятся просто од-

ним из нескольких значений многозначного слова (присвоенного им имени). Приведем конкретный пример из словаря С. И. Ожегова: *ГУСЕНИЦА*: 1. Личинка бабочка, обычно червеобразная с несколькими парами ног. 2. Широкая цепь, надеваемая на колеса трактора, танка и т. п. для повышения проходимости машины [Ожегов, с. 132]. «Переносное происхождение» второго значения в словаре не помечено. Для обычного пользователя словаря этот нюанс не имеет значения. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему в обоих случаях переносное значение становится одним из ординарных компонентов семантической структуры многозначного слова, а в других остается иносказанием – языковой единицей другого порядка со своими специфическими особенностями? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Иносказания, образованные способом семантической транспозиции (переноса значения), сохраняют свой особый статус иносказаний в силу того, что регулярно употребляются именно как таковые, выполняя при этом свои специфические коммуникативные функции.

Поскольку из числа иносказаний, созданных путем переноса значений, функцию экспрессивизации речи могут выполнять только те, у которых прозрачна логика этого переноса, возникает вопрос: а какую функцию в речевом общении тогда могут выполнять иносказания такого типа, у которых логика переноса значения не просматривается, например, такие иносказательные обозначения денег, как *Asche* (букв.: пепел), *Flocken* ('хлопья'), *Moos* ('мох'), *Kröten* ('жабы') и т. п.? На этот вопрос можно дать следующий ответ, ссылаясь на мнение И. Г. Ольшанского и А. Е. Гусевой [Ольшанский, Гусева, с. 195–200]. Наряду с обычными языковыми единицами такие непрозрачно мотивированные иносказания дают возможность той или иной социальной группе отграничить себя от других групп носителей языка. Так, у немецкой молодежи деньги – это *Asche*, постоянная подружка – *Stammzahn* (букв.: коренной зуб), *Bock* (букв.: козел) – желание, охота и т. д. Наряду с другими, не иносказательными, социально маркированными языковыми средствами такие иносказания служат как бы пропуском в свою субкультуру, легитимируют говорящего как своего человека.

Мотивом такого словотворчества может быть также укорененное в природе человека желание «создать нечто новое, лично свое» [Там же, с. 197–198]. Социальное маркирование речи с помощью иносказаний можно признать лишь побочной, второстепенной функцией иносказаний. Их главной функцией является экспрессивизация

речи во всех упомянутых аспектах – от привлечения внимания адресата до вовлечения его в сопереживание.

В. Иносказания с собственным обозначением

Под обозначающим принято понимать материальный носитель значения – звуковой или буквенный комплекс. У предыдущего вида иносказаний (А) было не только заимствованное значение, но и заимствованное обозначающее. В данном разделе мы рассмотрим иносказания, имеющие оба эти составляющие языкового знака. Соответственно они имеют форму слова или (краткого) словосочетания. Их авторами, по видимому, являются обычные носители языка, побуждаемые к словотворчеству стремлением к языковым инновациям, желанием поиграть словами [Там же, с. 197]. Вот несколько иносказаний этого типа: *Eiertanz* (букв.: танец, исполняемый на яйцах) – осторожное маневрирование в деликатных делах; *Seelenklo* (букв.: клозет для души) – человек, терпеливо выслушивающий чужие душевные излияния; *Trittbrettfahrer* (букв.: любитель прокатиться за чужой счет, халявщик) – человек, всегда ищущий наименьшее сопротивление, обходящий трудности и т. п. Все эти иносказания имеют помету *разг.* (разговорная лексика), большинство еще помету *шутл.* (шутливо, рассчитанное на юмористический эффект), иногда *неодобр.* (неодобрительно).

С. Иносказания-аллюзии

Аллюзия – это намек на предположительно известные адресату речи реальные или вымышленные события прошлого и / или их участников (неявное сравнение с ними некоторого предмета речи). Широко известны такие аллюзии как *Герострат* – символ безумного желания войти в историю любой ценой; *слава Герострата* – позорная слава, *Пиррова победа* – успех, приносящий победителю неприемлемый ущерб. В качестве аллюзий очень часто используются эпизоды древнего эпоса и библеизмы, например: *Троянский конь* – подарок врага, который несет в себе гибель; *Соломоново решение* – необыкновенно мудрое решение и т. п. В качестве аллюзий используются также персонажи более поздних литературных произведений: *Отелло* – безумный ревнивец; *гадкий утенок* – человек, в котором никто не предполагал таящуюся в нем красоту или некий дар. Особенность речевого воздействия иносказаний-аллюзий заключается в их лаконизме, «наглядности», в том, что они оперируют некими фактами или артефактами, ставшими знаками типовых ситуаций, правильных решений или дурных поступков.

Д. Иносказания – цитаты

Это уже не намеки на известные события и их участников из текстов названных жанров, а выдержки из текстов с иносказательным смыслом, например: *продать что-то за чечевичную похлебку* (библ.) – отдать нечто ценное почти за даром, сильно продешевить; *отделять семена от плевел* (библ.) – отделять хорошее от дурного; *делать из мухи слона* (библ.) – что-то очень сильно преувеличивать. Особенность речевого воздействия иносказаний-цитат в принципе та же самая, что и у иносказаний-аллюзий – априорная вера в их проверенную веками мудрость.

Полагаем, что предложенная «генетическая» классификация иносказаний способна упорядочить представления начинающего переводчика об иносказательности и тем самым помочь развитию у него способности «разглядеть» иносказания в массиве переводимого текста. Разумеется, это не «прививка» от буквального понимания иносказаний, тем более что среди иносказаний встречаются такие, что провоцируют ошибки. Например, смекалка в немецком разговорном языке иносказательно именуется словом *Grütze* (букв.: крупа, каша), и это может подтолкнуть переводчика перевести выражение *Er hat Grütze im Kopf* дословно ‘У него в голове каша’ вместо ‘У него котелок хорошо варит’. Естественно, большую роль всегда играет логическая совместимость переведенного речевого произведения с микро- и макроконтэкстом.

Прежде чем перейти ко второй по значимости части нашего дискурса – вопросу о способах перевода иносказаний – сделаем важное предварительное замечание. Поскольку, по определению, у каждого иносказания есть прямой способ выражения того же содержания / смысла прямым (не косвенным, не иносказательным) образом, возникает вопрос о том, а имеет ли право переводчик *по своему усмотрению*, даже когда есть объективная возможность перевести иносказание прямоисказательно, скажем, ради экономии времени или умственных усилий? На этот вопрос мы отвечаем категорическим НЕТ по двум причинам. Первая из них лингвопрагматического характера: перевод иносказания напрямую связан с потерей экспрессивности – лаконизма и яркости. Сравните: *Он пригрозил змею на груди* и *По наивности он доверился этому подлому и коварному человеку* или *Для своих взрослых детей она дойная корова* и *Она содержит своих взрослых детей-бездельников*.

Другое основание имеет принципиальный характер. Существует такое понятие, как «конвенциональная норма перевода», под которой понимается совокупность требований, которым

«в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности должен соответствовать перевод» [Комиссаров, с. 109]. Одним из требований современной конвенциональной нормы перевода является определенная степень языкового подобию исходного и переводного текстов, разумеется, не в ущерб их смысловой, эмоциональной и эстетической равнозначности. Произвольные (невынужденные) отступления от этого требования рассматриваются как недопустимые переводческие вольности. Не будь этого требования, к переводу можно было бы отнести пересказ, информационную справку на основании оригинала и т. п. [Латышев, с. 31–32], а также любое переложение, выдаваемое за перевод. Навивный, не посвященный в нюансы переводческого труда потребитель считает, что перевод есть то же самое, что оригинал, только на другом языке. И с этими общественными ожиданиями приходится считаться.

Что касается переводчиков, то им хорошо известно, что в разных случаях языковая близость оригинала и перевода может быть весьма различной – от перевода «слово в слово» до таких, которые мы позволим себе назвать «парадоксальными», когда нужно понять, что «внешне» (то есть по своей структурно-семантической конструкции) мало похожий на оригинал перевод является его оптимальным вариантом. В связи с этим можно говорить о разных степенях симметричности / асимметричности переводов иносказания иносказанием. Рассмотрим их в порядке убывания симметричности, опираясь на данные Нового большого немецко-русского словаря [Новый большой немецко-русский словарь].

1. Максимальная симметричность

Значение	
Приспешник	<i>Kettenhund</i> – ‘цепной пес’
Безотказный источник дохода	<i>Milchkuh</i> – ‘дойная корова’
Тот, кто отвечает за ошибки других	<i>Prügelknabe</i> – ‘мальчик для битья’
Шумиха из-за ничего	<i>ein Sturm im Wasserglas</i> – ‘буря в стакане воды’
Быть наверху блаженства	<i>im siebenten Himmel sein</i> – ‘быть на седьмом небе’

2. Перевод с несущественной асимметрией

Значение	
Миниатюрное прослушивающее устройство	<i>Wanze</i> (букв.: клоп) – ‘жучок’
Легковой автомобиль	<i>Schlitten</i> (букв.: сани) – ‘тачка’
Высокий и очень	<i>Bohnenstange</i> (букв.: под-

худой человек	порка для фасоли) – ‘жердь’
Неожиданно	<i>wie ein Blitz aus heiterem Himmel</i> (досл.: как молния из ясного неба) – ‘как гром среди ясного неба’

3. Перевод с существенной асимметрией

Значение	
Безбилетник	<i>ein blinder Passagier</i> (досл.: слепой пассажир) – ‘заяц’
Опытный, много повидавший человек	<i>ein alter Hase</i> (досл.: старый заяц) – ‘стреляный воробей’
Деньги	<i>Flocken</i> (букв.: хлопья), <i>Eier</i> (букв.: яйца) – ‘бабки, капуста’

4. «Парадоксальный» перевод

Значение	
Иметь нечистую совесть	<i>Butter auf dem Kopf haben</i> (досл.: иметь масло на голове) – ‘иметь рыльце в пушку’
Жить в полном благополучии	<i>wie die Made im Speck leben</i> (досл.: жить как личинка червяка в салe) – ‘кататься как сыр в масле’
Быть везунчиком, баловнем судьбы	<i>ein Sonntagskind sein</i> (досл.: быть воскресным ребенком, то есть рожденным в воскресенье) – ‘родиться в рубашке’
Человек маленького роста	<i>eine halbe Portion</i> (досл.: полпорции) – ‘метр с кепкой’

Демонстрируя семантико-структурные типы соответствий, возможных при переводе иносказаний иносказаниями, мы попытались очертить для переводчика круг поиска при подборе нужного эквивалента. При этом мы ограничились иносказаниями типа А и В, поскольку при переводе иносказаний типа С и D подбор эквивалента происходит несколько иначе, чем в случае с иносказаниями первых двух типов, поскольку главенствующую роль здесь играет фактор общности двух контактирующих культур. Очевидно, что для тех, кто получил образование в ареалах европейских культур, поиск переводческого эквивалента в значительной степени облегчается. Иногда для этого достаточно транслитерации: нем. *Herostrat* – русск. *Герострат*; *Golgotha* – *Голгофа*; *Pharisäer* – *фарисей*. Иногда при этом требуется элементарный перевод: *Pyrrhussieg* – *Пиррова победа*; *die Spreu vom Weizen trennen* – *отделять семена от плевел*; *wer anderen eine*

Grube gräbt, fällt selbst hinein – не пой яму другому, сам туда попадешь и т. д.

Разумеется, не во всем фоновые знания разноязычных коммуникантов, на которых строятся иносказания типов С и D, совпадают. Несовпадение фоновых знаний возможно, когда говорящий / пишущий адресует слушающего / читающего к источнику сугубо национально-культурного характера [Евтеев, с. 70–76]. В этом случае необходимы примечания (комментарии, пояснения) переводчика (редактора).

Несмотря на то, что примечания переводчика нарушают целостность восприятия (что особенно важно при чтении переводной художественной литературы), с ними приходится мириться как с неизбежным злом. А. Д. Швейцер предложил считать переводы с примечаниями переводчика переводами на уровне частичной эквивалентности [Швейцер, с. 107].

Вернемся к приведенным выше примерам, демонстрирующим возможные меры симметричности / асимметричности перевода иносказаний типа А и В. Из них следует, что одно и то же содержание можно выразить самыми разными, далеко не всегда равноценными способами. При этом заметим, что разграничение понятий «значение» и «смысл» («содержание» и «смысл») сложный и на сегодняшний день не до конца разрешенный теоретический вопрос [Там же, с. 113–118]. Поэтому мы рассматриваем значение и смысл как двуединый феномен, составляющие которого периодически различимы и периодически неразличимы, вплоть до противоположности (например, в случае иронии). Один и тот же смысл, например, «отделить полезное от вредного» можно передать иносказаниями *отделить зерна от плевел* или *отделить мух от котлет*. Очевидно, что как варианты реализации одного и того же смысла каждый из них приемлем только в определенной ситуации речевого общения и неприемлем в другой. Отсюда следует, что тождество смыслов, безусловно являясь основным условием эквивалентности перевода, не является его единственным условием. Как и во всех других случаях, условием качественного перевода при передаче иносказаний является соблюдение речевых традиций: выбор соответствующей функционально-стилистической и нормативно-стилистической окраски, подбор лексики с соответствующими коннотациями, обычно маркируемыми в словарях пометками *шутл.* (шутливо), *ирон.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *презр.*, *ласк.*, *жарг.* и т. д. В случае невозможности этого необходимо использовать нейтрально-стилистические единицы языка / речи.

Не всегда иносказание можно перевести иносказанием. Невооруженным взглядом видно, что феномен «иносказательной безэквивалентности» намного шире явления обычной лексической безэквивалентности. В этом случае приходится использовать перевод иносказаний «прямосказаниями», по возможности компенсируя неизбежную потерю экспрессивности (яркости выражения). Вот как решили эту задачу переводчики, воспроизводя один из эпизодов в романе «Три товарища»: *“Das nennt die Welt Schwein!” hörte ich plötzlich Gustav schmettern, “Herrschaften, das ist schon mehr als Schwein, das ist eine Riesenmutter sau mit zwanzig Ferkeln!” Er schlug mir auf die Schulter. “Hundertachtzig Eier hast du getrudelt, Mann Gottes! Dein Hottehüh mit dem komischen Namen hat's gemacht!”* [Remarque, p. 362] – «Вот это называется повезло! – раздался внезапно громовой голос Густава. – Господа, это больше, чем везение, это какая-то сверхфантастика!» – Он ударил меня по плечу. – «Ты заграбастал сто восемьдесят марок! Понимаешь, чудак ты этакий. Твоя клячонка с этакой смешной кличкой всех обставила!» [Ремарк, 2017, с. 309]

Переведенный фрагмент текста, помимо иносказательного обозначения денежных единиц *Eier* (букв.: яйца), содержит еще и иносказательную идиому со словом *Schwein* (свинья): *jemand hat Schwein gehabt* – означает «кому-то повезло». Но это еще не все. Персонаж по имени Густав в восторге от выигрыша еще и импровизирует, развивая иносказательное значение до гиперболы – говорит дословно следующее: *это больше, чем свинья, это гигантская свиноматка с двадцатью поросятами!* Очевидно, что воспроизвести в переводе немецкое иносказание, не имеющее русского иносказательного эквивалента, да еще осложненное импровизацией говорящего, невозможно. Переводчики в какой-то мере сохранили экспрессивность высказывания за счет «восторженных» прямосказаний.

Иногда имеется (случайная) возможность сохранить в переводе безэквивалентную иносказательность оригинала за счет креативных переводческих решений. Одним из таких способов является эмплитное (незаметно встроенное в текст) разъяснение. Так, немецким иносказанием *Seelenklo* (букв.: клозет для души) называют людей, способных долго и терпеливо выслушивать душевные излияния других людей. Названный прием можно использовать при переводе этого шутливого иносказания следующим образом: *Du bist aber ein richtiges Seelenklo.* – Ты прямо-таки настоящий клозет для души: можешь часами

выслушивать душевные излияния всех, кому это требуется.

Еще один пример переводческой находчивости. В немецком языке есть образное иносказание *Dünnbrettbohrer* (букв.: сверлильщик тонких досок), означающее человека, обходящего трудности, или недалекого, ограниченного человека. В русском языке нет равноценного иносказательного эквивалента, однако, если говорить о втором значении этого иносказания, в нашем языке есть иносказательный антоним – *птица высокого полета*. Его можно использовать с отрицанием НЕ, чтобы сохранить иносказательность в переводе: *Als Analytiker ist er ein Dünnbrettbohrer. – Как аналитик он птица невысокого полета.*

Иногда, если безэквивалентное выражение имеет совершенно очевидный иносказательный характер, его можно просто перевести дословно: *Ihm war es nicht genug, dass der Lehrer alle gelobt hatte, er wollte eine Extrawurst sein. – Ему было недостаточно того, что учитель похвалил всех, потому что он считал себя колбасой особого (высшего) сорта.*

Выражение *eine Extrawurst sein* (досл.: быть колбасой особого сорта, высшего качества) означает «выделяться среди других».

В небольшой статье мы смогли осветить лишь часть проблематики иносказаний, а именно только ту, что связана с их переводом. Вне поля нашего зрения остались некоторые вопросы, в частности о выполняемой ими когнитивной функции. Замена обычного обозначения предмета / явления иносказанием почти всегда связана с неким иным, необычным взглядом на него. Одна и та же реальность может иметь несколько иносказательных обозначений, что связано с взглядом под разными углами зрения и сравнимо с разносторонним изучением объекта (разумеется, в бытовом, а не научном плане). Это и ряд других неосвещенных нами особенностей иносказаний говорит в пользу необходимости их дальнейшего, более глубокого изучения.

Список литературы

Девкин В. Д. Немецкая разговорная лексика. Спецкурс для факультетов иностранных языков. М.: МГПИ им. Ленина, 1973. 344 с.

Евтеев С. В., Латышев Л. К. К проблеме переводимости: культурная непереводаемость. // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. №1 (51). С. 70–77.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: издательство «ЭТС», 2001. 424 с.

Латышев Л. К. Технология перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата / Л. К. Латышев, Н. Ю. Северова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 263 с.

Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 241–254.

Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц. Под общ. рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ, Астрель, 2008.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов, научных терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 736 с.

Ольшанский И. Г., Гусева А. Е. Лексикология. Современный немецкий язык: Учебник для вузов. М.: Академия, 2005. 416 с.

Павлов Г. В. О фактической правильности перевода // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Выпуск 10. Под ред. Л.С. Бархударова. М.: Международные отношения. 1973. С. 12–15.

Ремарк Э. М. Черный обелиск: книга для чтения на немецком языке. Köln: Kiepenheuer&Witsch; Санкт-Петербург : КАРО, 2016. 576 с.

Ремарк Э.М. На западном фронте без перемен / Пер с нем. Ю. Афонькина; Черный обелиск / Пер с нем. В. Станкевич; Триумфальная арка / Пер. с нем. И. Шрайбера, Б. Кремнева. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 672 с.

Ремарк Э. М. Три товарища / Пер. с нем. И. Шрайбера. М.: Издательство АСТ, 2017. 478 с.

Швейцер А. Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Шкловский В. М. Воскрешение слова. // Шкловский В. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 36–42.

Duden. Band 8: Die sinn- und sachverwandten Wörter. 2., neu bearbeitete, erweiterte und aktualisierte Auflage. Herausgegeben und bearbeitet von Wolfgang Müller. Verlag: Dudenverlag (1986), Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. 800 S.

Remarque, Erich Maria. Drei Kameraden. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Kiepenheuer & Witsch, Köln, 1991. – 585 S.

References

Devkin, V. D. (1973). *Nemetskaia razgovornaia leksika*. [German Conversational Vocabulary]. Spetskurs dlia fakul'tetov inostrannyh iazykov. 344 p. Moscow, MGPI im. Lenina. (In Russian)

Duden (1986). Band 8: *Die sinn- und sachverwandten Wörter* [Notional and Related Words]. 2, neu bearbeitete, erweiterte und aktualisierte Auflage. Herausgegeben und bearbeitet von Wolfgang Müller. Verlag: Dudenverlag 800 p. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. (In German)

Evteev, S. V., Latyshev, L. K. (2018). *K probleme perevodimosti: kul'turnaia neperevodimost'* [On Translatability: Cultural Untranslatability]. *Filologiya i kul'tura*.

Philology and Culture, 2018. No. 1 (51). Pp.70–77. (In Russian)

Komissarov, V. N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie* [Modern Theory of Translation: A Manual]. 424 p. Moscow, izdatel'stvo "ETS". (In Russian)

Latyshev, L. K. (2016). *Tekhnologiia perevoda : uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata* [Technology of Translation: A Textbook and a Practical Book for Academic Baccalaureate]. L. K. Latyshev, N. Yu. Severova. 4-e izd., pererab. i dop. 263 p. Moscow, Izdatel'stvo Yurait. (In Russian)

Leont'ev, A. A. (1974). *Funktsii i formy rechi* [Functions and Forms of Speech]. Osnovy rechevoi deiatel'nosti. Pp. 241–254. Moscow, Nauka. (In Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (1990) [Linguistic Encyclopedian Dictionary]. Pod red. V. N. YArcevoj; In-t iazykoznaniiia AN SSSR. 682 p. Moscow, Sov. encikl. (In Russian)

Novyi bol'shoi nemecko-russkii slovar' (2008) [New Big German-Russian Dictionary]. V 3 t.: okolo 500 000 leksicheskikh edinic. Pod obshch. ruk. D. O. Dobrovol'skogo. Moscow, AST, Astrel'. (In Russian)

Ozhegov, S. I. (2018). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Ok. 100 000 slov, nauchnykh terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Pod red. prof. L. I. Skvortsova. 27-e izd., ispr. 736 p. Moscow, Izdatel'stvo AST, Mir i Obrazovanie. (In Russian)

Ol'shanskii, I. G., Guseva, A. E. (2005). *Leksikologiia. Sovremennyi nemetskii iazyk* [Lexicology.

Modern German Language]. Uchebnik dlia vuzov. 416 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

Pavlov, G. V. (1973). *O fakticheskoi pravil'nosti perevoda* [On the Factual Correctness of Translation]. Tetradi perevodchika. Nauchno-teoreticheskii sbornik. Vypusk 10. Pod red. L. S. Barhudarova. Pp.12–15. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

Remark, E. M. (2016). *Chernyi obelisk : kniga dlia chteniia na nemetskom iazyke* [Black Obelisk: A Reader in German]. 576 p. Köln, Kiepenheuer&Witsch; Sant-Petersburg, KARO. (In German)

Remark, E. M. (2003). *Na zapadnom fronte bez peremen* [No Changes on the Western Front]. Per s nem. Yu. Afon'kina, *Chernyi obelisk* [Black Obelisk]. Per s nem. V. Stankevich; *Triumfal'naia arka* [The Arch of Triumph]. Per. s nem. I. Shraibera, B. Kremneva. 672 p. Moscow, OLMA-PRESS Zvezdnyi mir. (In Russian)

Remark, E. M. (2017). *Tri tovarishcha: roman* [Three Comrades: A Novel]. Per. s nem. I. Shraibera]. 478 p. Moscow, Izdatel'stvo AST. (In Russian)

Remarque, Erich Maria. (1991). *Drei Kameraden*. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Kiepenheuer & Witsch, Köln. 585 p. (In German)

Shvetser A. D. (1988). *Teoriia perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. 215 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Shklovskii V. M. (1990). *Voskreshenie slova* [Resurrection of Word]. Shklovskii V. Gamburskii schet. Pp. 36–42. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

The article was submitted on 21.05.2019
Поступила в редакцию 21.05.2019

Евтеев Сергей Валентинович,
кандидат филологических наук,
доцент,
начальник Управления языковой подготовки
и Болонского процесса,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
пр. Вернадского, 76.
sergevt@inbox.ru

Латышев Лев Константинович,
доктор филологических наук,
профессор,
Институт лингвистики и межкультурной
коммуникации, Московский государствен-
ный областной университет (до 2016 г.),
105005, Россия, Москва,
Радио, 510А.
nsprep07@gmail.com

Evteev Sergej Valentinovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of the Directorate of Language Training
and Bologna Process,
Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University),
76 Prospekt Vernadskogo,
Moscow, 119454, Russian Federation.
sergevt@inbox.ru

Latyshev Lev Konstantinovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Institute of Linguistics and Intercultural
Communication, Moscow State Regional
University (up to 2016),
10A Radio Str.,
Moscow, 105005, Russian Federation.
nsprep07@gmail.com